

Отказ в признании и исполнении в Российской Федерации иностранного судебного решения, полученного обманным путем

К.А. Барышева

Доцент, департамент дисциплин публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук. Адрес: 101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: kbarysheva@hse.ru

Д.М. Максимов

Старший преподаватель, департамент общих и межотраслевых юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук. Адрес: 101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: aerolife@rambler.ru

Аннотация

В июле 2019 года в международном частном праве произошло знаковое событие, связанное с утверждением окончательного текста Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам. Уже более 10 лет Гагская конференция по международному частному праву не представляла новых конвенций. Россия активно участвовала в завершающих процедурах и направила правительственную делегацию на 22-ю дипломатическую сессию Гагской конференции по международному частному праву для подписания завершающего акта сессии. Перспективы подписания и ратификации Конвенции ключевыми участниками международной торговли пока являются вопросами будущего. В статье дан анализ положений Конвенции и возможности имплементации норм международного права в национальное законодательство. В российском праве отсутствует эффективная система распознавания и противодействия обману суда со стороны участвующих в гражданском или арбитражном процессе лиц. Термин «fraud», используемый в Конвенции, не имеет аналогов в российском законодательстве и правоприменительной практике, если мошеннические действия стороны процесса привели к неправильному судебному решению, которое вступило в силу. Отмена или пересмотр такого судебного решения практически невозможны. Особенно болезненно проявляется данный недостаток российского права в отношении признания иностранных судебных решений, полученных обманным путем. Вакуум правового регулирования возникнет в случае присоединения России к Конвенции, которая признает возможность такого порока судебного решения, но у российского суда нет возможности идентификации порочных судебных решений. Это ставит под

сомнение всю процедуру и результат признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений в России. В данной статье авторы ставят перед читателями базовые вопросы, связанные с окончательностью судебных решений и возможностями их пересмотра в будущем, указывают на неготовность российского права к участию в Конвенции и на важность данного института Конвенции об обманном решении, на недопустимость оговорки при принятии государствами Конвенции в этой части.

Ключевые слова

судебное решение, признание, исполнение, Гагская конференция по международному частному праву, международный гражданский процесс, мошенничество, обман суда, фальсификация доказательств, суперспециализация судей.

Для цитирования: Барышева К.А., Максимов Д.М. Отказ в признании и исполнении в Российской Федерации иностранного судебного решения, полученного обманным путем // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 4–25.

УДК: 341

DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.4.26

Введение

Разработчики Гагской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам (2019) (далее — Конвенция) предприняли поистине титанические усилия в попытках придать ей универсальный характер [Haines A., 2002: 159]. Эти достижения нсаиболее ясно видны в ст. 1 «Сфера действия» и ст. 2 «Исключения из сферы действия», где подробно перечислены многочисленные области права, на которые Конвенция не распространяется, и которые могли отпугнуть потенциальных ратификантов. Наиболее интересным институтом, который интегрирован в Конвенцию, является институт отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения. Данный институт преимущественно закреплен в ст. 7 Конвенции и содержит норму, не знакомую российской правовой системе, а именно — возможность отказа в признании и исполнении решения на основании того, что оно было получено мошенническим (обманным) путем.

Юристы в России не устают публиковать информацию о рисках мошеннических схем, в которые вовлекаются суды, и исследовать правоприменительную практику на этот счет [Петров С.А., 2013: 42]; [Смолин С.В., 2015: 94]. Тем актуальнее эта проблема в контексте гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, поскольку затрагивает интересы и правовую политику многих правовых порядков, и такие формы мошенничества существенно труднее выявить и пресечь. В финансовом мире, который

глобален уже достаточно давно¹, трансграничный переток капитала является нормой международной торговли и инвестиций, он гарантирован правом и в случае легальности по внешним признакам не ограничивается законодательством большинства развитых государств [Звонова Е.А., 2019: 135].

Проблема необходимости исполнения на территории России решений иностранных судов, вынесенных в результате мошенничества или иных обманных действий, также опасна, как и проблема исполнения за пределами России аналогичных решений, принятых российскими судами. Обязательность исполнения подобных решений в обход ограничений на движение капитала в связи с невозможностью вмешательства органов исполнительной власти в реализацию решений органов судебной власти (в силу принципа разделения властей) делает данные финансовые потоки неуязвимыми. Получается, что судебная система используется для противоправных целей, но в России нет механизма исправления данного явления.

Российская Федерация при ратификации данной Конвенции может воспользоваться ст. 18, которая предполагает изъятия из применения Конвенции для специально обозначенных государством-участником случаев, которые затрагивают его важнейшие интересы. Неизвестно, идет ли речь в данном случае только о публичном порядке либо возможно расширительное толкование государством-ратификантом. Однако не может быть рациональной аргументации в поддержку того, что неприменение Конвенции к решениям судов, полученных мошенническим (обманным) путем, образует жизненно важный правовой интерес Российской Федерации. В таком случае будет нарушаться конституционный принцип правового государства². Россия как правовое государство не может быть заинтересована как в исполнении неправовых решений собственных судов за рубежом, так и аналогичных решений зарубежных судов на своей территории. Следовательно, единственным адекватным способом ратификации Конвенции является предваряющая имплементация в национальное право России института ответственности за решения судов, полученных мошенническим (обманным) путем, и идентификация таких решений в качестве недействительных.

1. Обман суда и его квалификация

В рамках данной работы мы будем вынуждены избегать прямого употребления термина «мошенничество» из-за отсутствия квалификации в Уго-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики РФ». Концепция внешней политики РФ, п. 13. Available at: URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/71552062/paragraph/1:0> (дата обращения: 20.11.2019)

² Конституция Российской Федерации. Available at: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> (дата обращения: 23.12.2019)

ловном Кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) данного деяния в контексте злоупотребления доверием суда или прямого обмана суда с целью хищения чужого имущества или приобретения на него права. В блоке статей УК РФ, касающихся мошенничества, содержатся описания иных составов уголовно-наказуемых мошенничеств, но явной ссылки на мошенничество в суде при предъявлении иска, сборе доказательств или иных схожих ситуациях отсутствует.

Еще в 2013 году С.А. Петров в своей статье «Обман суда как способ мошенничества» [Петров С.А., 2013: 43] указывал на неприменение судами к подобным случаям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2007 N 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³. В Постановлении было разъяснено, что мошенничество совершается путем обмана или злоупотребления доверием, под воздействием которых уполномоченный орган власти передает имущество или право на него другим лицам либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другими лицами. Поскольку Конституцией России суд отнесен к органам власти, то, следуя логике Пленума Верховного Суда, можно сделать вывод, что путем обмана данного органа власти возможно совершить мошенничество.

На практике подобные деяния не квалифицировались в качестве мошеннических, поскольку адресатом преступного воздействия выступал суд, который не смог разобраться в преступности действий мошенника и оказался, вольно или невольно, вовлечен в преступление. Именно наличие суда в составе своеобразных жертв мошенничества делает данную «схему» ненаказуемой правом. Суд всегда может сослаться в обоснование своего решения на конституционное право лица на обращение в суд для защиты его нарушенного права. Реализация данного права не может образовывать состав уголовно-наказуемого деяния.

Квалификация действий заинтересованного лица в качестве мошенничества затруднена в данном случае и в связи с тем, что объектом преступного посягательства выступает нормальная деятельность органов правосудия, осуществляющих производство по гражданским делам, и не ведущих судебного следствия в контексте возможного нарушения стороной или иным лицом в деле норм уголовного права. В результате преступного посягательства мошенничество образуется в гражданско-правовой судебной процедуре, которая не оснащена для противодействия такого рода посягательствам специальными защитными механизмами. Поэтому перед законодателем появляется проблема не просто определения мошенничества в судебной сфере

³ Available at: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685377/> (дата обращения: 23.12.2019)

гражданского производства, но и создания процессуальных механизмов выявления и пресечения возможных мошеннических манипуляций гражданскими судами.

Подобная синергия гражданского и уголовного судопроизводства не характерна для действующей российской практики деления судов на коллегии по гражданским и уголовным делам, судьи которых строго специализированы и обычно не переходят из коллегии в коллегия. Такая суперспециализация судей оказывается слабым местом всей судебной системы перед уголовно-правовым воздействием на гражданско-правовую сферу со стороны недобросовестных участников процесса. Перед судом по гражданским делам встал вызов противостоять мошенническим действиям уголовно-правового характера, которыми могут являться поступки и процессуальные акты сторон, третьих лиц и иных участников процесса. Судья по гражданским делам, ранее оперировавший презумпцией добросовестности поведения сторон в процессе и занимавшийся установлением истины в гражданско-правовой сфере, теперь вынужден пересмотреть подход в пользу необходимости исследования правомерности требований, аргументов и доказательств в деле на предмет непротиворечивости нормам уголовного права.

Подобное дополнительное исследование фактически требует создания дополнительной стадии гражданского процесса, в рамках которой стороны должны будут доказать и обосновать уголовно-правовую легальность своих доводов и доказательств, что приведет к появлению презумпции «грязных рук» у сторон. В случае неубедительности или недостаточности доводов об уголовно-правовой чистоте доказательств добросовестный участник гражданского процесса может столкнуться с отказом в судебной защите. Все эти последствия требуют всестороннего осмысления и обсуждения в рамках национального юридического сообщества для выработки рационального законодательного подхода с целью криминализации мошенничества в данной сфере.

2. Проблема презумпции истинности судебных решений

В правовых исследованиях отмечается наличие сложившейся презумпции истинности приговора, вступившего в законную силу [Сычева О.Н., 2008: 92]. Данная презумпция предполагает обязательность исполнения таких приговоров и препятствует эффективному пересмотру ошибочных приговоров, основанных на заблуждениях суда, но вступивших в законную силу. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011⁴ была

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

сделана попытка разрешения данной преюдициальной проблемы путем возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ в связи с фальсификацией доказательств, повлекшей тяжкие последствия.

По мнению Конституционного Суда, далее следует добиваться отмены первоначального решения суда ввиду вновь открывшихся обстоятельств. Подобный алгоритм действий является слишком трудоемким и долгим в реализации, из-за чего нарушенное право оказывается беззащитным, а его восстановление обусловлено работой следственных органов, а не действиями истца по самостоятельной защите. Действия по возбуждению уголовного дела и сбору доказательств потерпевшее лицо будет вынуждено совершать в условиях действующего неправового решения, рискуя получать бесконечные отказы в возбуждении дела из-за преюдициального характера вступившего в силу решения. К тому же такое лицо заведомо находится в уязвимом положении «борца с системой», который доказывает, что суд неправ. Как преодолеть проблему ошибочных решений судов, вызванных обманом или злоупотреблением доверием, но которые не основаны на фальсифицированных доказательствах, в позиции Конституционного Суда не раскрывается. Постановление Пленума Верховного Суда от 30.11. 2017 N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁵ также не решает обозначенной проблемы.

Наиболее характерным решением в данной категории дел является Постановление Президиума Верховного Суда от 25.12.2013 по делу N 175-П13⁶, в котором дана уголовно-правовая оценка обмана суда как способа мошенничества: «Суд первой инстанции при назначении наказания учел, что преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 159 УК РФ, совершено Г. путем обмана судебного органа, который фактически придал законный вид их преступным действиям, в связи с чем совершенное преступление не только сопряжено с определенной тяжестью и значительностью нанесенного ущерба, но также подрывает авторитет и доверие к судебной власти. Однако совершение преступления путем обмана (в данном случае судебного органа) является обязательным признаком мошенничества и не может повторно учитываться при назначении наказания. В связи с этим вышеизложенные обстоятельства, относящиеся к признакам преступления и способу его совершения, учтен-

Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Российская газета. 2012. № 2.

⁵ Available at: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/> (дата обращения: 23.12.2019)

⁶ Available at: URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/35313ba28be8843c576b49585017226b/> (дата обращения: 29.11.2019)

ные судом при назначении виновным наказания и повлиявшие на его более строгий размер, подлежат исключению из приговора».

Из данного решения усматривается обман суда как признак и способ совершения преступления, а не как отдельный состав или квалифицирующий признак. Суд явно стремится не выходить за рамки традиционного узкого понимания обмана как способа мошенничества. В результате мы имеем в российском законодательстве и правоприменительной практике лагуну, которой пользуются недобросовестные лица, и о которой регулярно критически высказываются практикующие юристы.

В данном случае решением проблемы является имплементация понятия «решения суда, полученного мошенническим (обманным) путем» в российское законодательство из Конвенции 2019 года. Прямая трансляция данной нормы права в российскую правовую систему без принятия отдельного закона невозможна, так как нет определения понятия решения суда, полученного мошенническим (обманным) путем, в самой Конвенции. Весьма ограничены инструменты толкования Конвенции 2019 года, описанные в ст. 20 и 23, что не позволит вывести из нее полный смысл данной формы мошеннических действий. Российское уголовное право требует интеграции всех норм об уголовно-правовой ответственности в УК РФ (ст. 1), следовательно, даже при учете приоритета норм международного договора над федеральным законом согласно п. 4 ст. 15 Конституции невозможно исполнять Конвенцию в полном объеме без внесения поправок в уголовный закон, которые бы определяли описываемое основание для непризнания и отказа в исполнении иностранного судебного решения. Подобная новелла решила бы назревшую проблему российского правоприменения и позволила бы отказывать в признании и исполнении неправовых иностранных судебных решений на российской территории.

3. Толкование термина “fraud”

В п. 1 ст. 7 Конвенции сказано дословно следующее: «В признании или приведении в исполнение может быть отказано, если судебное решение было получено путем мошенничества». Слово “fraud” в английском языке имеет базовое значение «мошенничество», но в некоторых контекстах переводится также как «обман» (в противопоставление введению в заблуждение — *misrepresentation*), «афера», «махинация», «подлог», «подделка», «шарлатанство», «самозванство», «хищение»⁷. Часть данных терминов имеют уголовно-правовую окраску, часть — расхожие выражения и морально осуждаемые явления, но не правовые категории.

⁷ Словарь Мультитран. Available at: www.multitrans.com (дата обращения: 23.12.2019)

Для верной интерпретации термина “fraud” важно учесть ст. 4 Конвенции, которая требует ограничить основания отказа в признании и приведении в исполнение лишь основаниями, предусмотренными Конвенцией. Это делает ее крайне важным двусторонним источником права в отношении государств-участников Конвенции в сравнении с другими государствами-партнерами. Данным положением Конвенция закрепляет свою доминирующую роль над национальным правом, исключая из оснований отказа иные, не предусмотренные в ней параметры, которые могут быть в национальном праве. Так проявляется унифицирующая сила Конвенции. Также существенны положения ст. 13 Конвенции, которая требует при разрешении процессуальных вопросов признания и приведения в исполнение (и, очевидно, при отказе в таковом, поскольку отказ является одним из возможных результатов реализации процедуры признания и приведения в исполнение) использовать процессуальное право государства места рассмотрения запроса кроме случаев, явно предусмотренных Конвенцией.

Поскольку Конвенция не делает исключений для мошеннических (обманных) судебных решений, то при рассмотрении подобного вопроса, например, в суде Российской Федерации у суда должен быть процессуальный инструментарий, позволяющий разрешать вопрос о мошенническом (обманном) характере рассматриваемого решения. Следовательно, помимо материально-правовой квалификации мошеннических (обманных) судебных решений, в российском законодательстве может потребоваться и процессуальный механизм их идентификации. Релевантны в данном случае и требования унифицированного толкования согласно международному характеру Конвенции и необходимости ее согласованной интерпретации, указанные в ст. 20. Однако в связи с новизной Конвенции существенный опыт ее применения не накоплен. Статья 26 Конвенции позволяет присоединиться региональной экономической интеграционной организации, которая имела бы компетенцию относительно некоторых или всех вопросов Конвенции. Вопросы составов уголовно-наказуемых деяний не отнесены к компетенции Евразийского экономического союза, в котором участвует Россия⁸, поэтому термин “fraud” не может быть кодифицирован в актах данной международной организации [Брановицкий К.Л., Аленкина Н.Б., 2018: 188].

Из применимых в данном случае источников российского права остаются только национальное законодательство и международные договоры. В национальном законодательстве нет явных признаков термина “fraud” в непосредственной формулировке в связи с судебными решениями. Международные договоры России также не содержат подобного термина [Игна-

⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в Астане 29.05.2014 (ред. от 15.03.2018). Ст. 1–7. Available at: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=293753> (дата обращения: 22.12.2019)

тьева Ю.А., 2017: 67]. Статья 55 Минской конвенции (1993) не содержит основания отказа в признании и приведении в исполнение в связи с мошенническим (обманным) судебным решением⁹. Статья 9 Киевского соглашения (1992) также не содержит подобной формулировки¹⁰. Не ратифицированные Россией Московское соглашение (1998)¹¹ и Кишиневская конвенция (2002) (ст. 59)¹² также не в силах решить поставленную задачу, даже если гипотетически предположить, что они будут в перспективе ратифицированы.

4. Российский подход

Процессуальное законодательство России устанавливает, что все доказательства должны быть допустимы, относимы, достоверны. В действующем законодательстве предусмотрена уголовная ответственность за предоставление недостоверных доказательств, т.е. за подделку, искажение, подмену подлинной информации или предметов, являющихся доказательствами по гражданским, административным, уголовным делам. При этом доказательства, полученные с нарушением закона, не являются предметом рассматриваемой нормы. Сфальсифицированы могут быть любые доказательства, предъявляемые в суд, например, договоры, акты сверок, долговые расписки, заключения эксперта, вещественные доказательства.

Согласно ч. 1 ст. 303 УК РФ фальсификация доказательств лицом, участвующим в деле, или его представителем наказывается штрафом, исправительными работами, обязательными работами либо арестом. Состав преступления формальный, преступление считается оконченным с момента предоставления суду фальсифицированных доказательств. Несмотря на то,

⁹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Заключена в Минске 22.01.1993 (с изм. от 28.03.1997). Available at: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=5942> (дата обращения: 25.12.2019)

¹⁰ Постановление Верховного Суда РФ от 09.10.1992 N 3620-1 «О ратификации Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности». Available at: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=835> (дата обращения: 22.12.2019)

¹¹ Соглашение Правительств государств-участников стран СНГ от 06.03.1998 «О порядке взаимного исполнения решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов на территориях государств — участников Содружества». Вступила в силу для (по состоянию на 12.11.2018): Азербайджана, Казахстана и Таджикистана — с 09.01.2001; Киргизии — с 21.08.2003. Available at: URL: <http://docs.cntd.ru/document/8313849> (дата обращения: 13.12.2019)

¹² Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 07.10.2002). Available at: URL: <http://docs.cntd.ru/document/901898597> (дата обращения: 20.12.2019)

что объективная сторона преступления схожа с мошенничеством, где преступление может совершаться путем активного обмана, выражающегося, в том числе в предоставлении подложных документов, искажении информации и пр., объекты преступлений двух составов различны. Объектом мошенничества выступают отношения собственности, тогда как при фальсификации доказательств собственность является непосредственным факультативным объектом — причинение действиями лица имущественного вреда при предоставлении в суд подложных доказательств не имеет значения для квалификации действий по ч. 1 ст. 303 УК РФ. Также отсутствует квалифицированный состав, предусматривающий повышенную ответственность за причинение значительного, крупного, либо особо крупного материального ущерба, либо извлечения выгоды для лица, участвующего в деле.

Нормами отраслевых кодексов — ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ предусмотрена возможность заявления о фальсификации доказательств в рамках судебного разбирательства. В таком случае суд может для проверки этого заявления назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства. Второй способ разрешения вопроса о фальсификации доказательств — заявление заинтересованного лица в полицию. Фальсификация документов чаще всего осуществляется с целью получения определенной выгоды в пользу заинтересованного лица, принятия решения в пользу осуществляющего обман. Так, в ходе судебного заседания по рассмотрению гражданского дела № А62-6278/2017, Денисов А.Н., реализуя свой преступный умысел, направленный на фальсификацию доказательств по гражданскому делу, и будучи лицом, участвующим в деле, с целью дальнейшего принятия судом решения в свою пользу ходатайствовал о приобщении к материалам дела товарной накладной № 2/2 от 20.02.2016 на сумму 958 470,00 руб. о поставке товара. Судья Арбитражного суда Смоленской области Либерова Л.В., рассмотрев заявленное ходатайство, определила приобщить представленную ответчиком Денисовым А.Н. товарную накладную № 2/2 от 20.02.2016 на сумму 958 470,00 руб. к материалам дела¹³. Однако впоследствии по заявлению истца была проведена экспертиза подлинности накладной, в результате которой и выявилась фальсификация документа. Получается, что суд при рассмотрении дела приобщил в качестве доказательства поддельный документ и принял на его основе неправовое решение. Заблуждение суда в данном случае было вызвано действиями одной из сторон по делу, которая желала таким образом завладеть чужим имуществом. На лицо мошенничество с введением в заблуждение суда, которое не верифицируется российским правом в качестве такового.

¹³ Постановление № 1-231/2019 Ленинского районного суда г. Смоленска от 28.05.2019 по делу № 1-231/2019.

Другим примером может служить уголовное дело Загарских А.А. Согласно факту дела, в начале 2018 года неустановленное лицо, имея умысел на совершение хищения денежных средств, обратилось к Загарских с просьбой помочь снять принадлежащие этому неустановленному лицу заблокированные налоговыми органами денежные средства с расчетных счетов контролируемых им ООО-1 и ООО-2. Схема совершения преступления предполагала выплату денежного вознаграждения в пользу Загарских после предоставления ею в суд поддельных документов, содержащих заведомо ложные сведения о ее трудоустройстве в указанных организациях (ООО-1 и ООО-2) и наличии перед ней задолженности по заработной плате. Мировой судья судебного участка № 60 Нововятского судебного района г. Кирова, руководствуясь принципом добросовестности участников гражданских правоотношений, и основываясь на предоставленных в суд поддельных документах (заявлении от имени Загарских А.А. о выдаче судебного приказа о взыскании заработной платы, трудовом договоре между Загарских А.А. и ООО, справке о задолженности по заработной плате перед Загарских А.А.) как на доказательствах по гражданскому делу, в соответствии со ст. 121-127 ГПК РФ вынесла судебный приказ о взыскании с ООО в пользу Загарских А.А. задолженности по заработной плате в размере 482850 руб. Проверка истинности доказательств не производилась, документы принимались на веру без анализа иных источников (например публичных данных бухгалтерского учета юридического лица, штатной численности согласно статистическим данным, заработной платы, налогов и сборов в пользу Загарских по данным налогового и пенсионного учета), которые подтверждали или опровергали бы позицию истца. Суд не принял во внимание отсутствие адекватной позиции по делу со стороны ответчика и факт предшествующей блокировки его банковских счетов налоговыми органами.

Фактически суд вмешался в решение органа исполнительной власти (ФНС России) и предоставил физическому лицу неправомерный доступ к денежным средствам юридического лица без надлежащей проверки оснований иска, доказательств по делу и не принимая во внимание факт блокировки банковских счетов ответчика. Подобная преступная по мотиву и характеру исполнения схема мошеннического хищения денежных средств юридических лиц, которые заблокированы в обеспечительных целях органами исполнительной власти, ставит под сомнение весь правовой механизм подобных обеспечительных блокировок и демонстрирует неспособность суда учитывать такую блокировку в качестве препятствия для удовлетворения иска. Получается, что суд идет на поводу у преступников, позволяя им обходить решения органов исполнительной власти, и сам суд является обязательным элементом преступной схемы. Механизма оспаривания данного

решения у органа исполнительной власти нет, поскольку он не является стороной трудового спора и не вправе препятствовать исполнению судебного решения.

Данное уголовное дело демонстрирует возможность исправления судебной ошибки, допущенной в гражданском процессе, но только средствами уголовного процесса и преследования. Однако данное исправление не учитывает мошеннического характера операции с использованием суда в качестве фактического, пускай и не обязательно осведомленного об этом, соучастника преступления. Рассмотрение данного дела только с позиций преступления против правосудия неверно, так как субъективная сторона деяния связана не с воздействием на суд в рамках трудового спора, а с мотивом хищения денежных средств юридического лица, где инициированный гражданский процесс и введенный в заблуждение суд — это лишь способ совершения преступления, но не цель преступного посягательства. В данном случае мы вновь имеем судебное решение, полученное мошенническим путем, которое не квалифицируется российским правом в качестве такового¹⁴.

Согласно судебной статистике в 2017 г., 74 человека привлечены к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 303 УК РФ, в 2018 г. — 63. Данные показатели позволяют сделать вывод, что норма применяется на практике. Однако выявление наличия в деле доказательств, которые фальсифицированы, не всегда происходит на стадии рассмотрения гражданского дела. Таким образом, решение суда может быть основано на недостоверных сведениях, искаженной информации, а, значит, проигравшей стороне необходимо подать заявление о пересмотре вступившего в законную силу решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам, к которым закон относит, в том числе фальсификацию доказательств, повлекшую за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления. Получается, что в настоящее время в УК РФ нет нормы, закрепляющей ответственность за мошенничество в суде, однако при необходимости имплементации положений Конвенции возможно внесение изменений в уже действующую ст. 303 УК РФ, которая по своей сути содержит положения, схожие с мошенничеством в том смысле, которым наделяет этот термин положения международного акта.

5. Зарубежный подход

В институте признания и приведения в исполнение судебных решений зарубежных стран широко признана теория кумулятивности, которую также именуют теорией ассимиляции [Куликова Д.С., 2014: 149]. Данная теория основана на возможности действия иностранного судебного решения

¹⁴ Приговор Нововятского районного суда г. Кирова от 27.05.2019 по делу № 1-88/2019.

в строгих границах, аналогичных по содержанию судебных решений внутри признающего государства. Логика данного подхода основана на идее, что признающий судебный акт не может наделять иностранное судебное решение большей силой, чем обладает сам. Следовательно, возможно признание и приведение в исполнение только тех иностранных актов, которые вынесены на основании аналогичных норм материального права, ведь иначе процессуальное действие судебного акта будет иным. В анализируемом в данной статье случае не представляется возможным признать и привести в исполнение судебный акт уголовного права, вынесенный на основании неизвестной признающему государству конструкции уголовной ответственности. Получается, единственным эффективным средством имплементации термина “fraud” в контексте неправового судебного решения является законодательное закрепление такового. Каким зарубежным опытом и критериями может воспользоваться законодатель в таком случае?

Опыт английского права в данной области весьма своеобразен. Правила гражданского судопроизводства (1999) не предусматривают мошенничества (обмана) как правового основания для отмены вступившего в силу решения суда. В части 74, которая касается иностранных судебных решений, нет ни слова о возможности их непризнания на основании мошеннического (обманного) характера. В части 13 Правил возможности отмены касаются только заочных решений и основания отмены описаны неконкретно: есть ссылка на оценочное мнение суда, что у ответчика имеется реальная перспектива защиты своего интереса либо (также по усмотрению суда) есть иная веская причина, что заочное решение суда будет отменено, изменено, или ответчик со всей очевидностью сможет защитить свою позицию¹⁵. Подобная норма поглощает проблему мошеннических (обманных) судебных решений, но в очень узкой категории заочных решений, и потому не является универсальным подходом.

До 2019 года защита от мошеннических судебных решений и возможность их отмены и пересмотра строилась в Великобритании на деле *Fairclough Homes против Summers*¹⁶, в котором Ш. Саммерс, работник вилочного погрузчика, поскользнулся на его ступеньке, упал и сломал несколько костей. Он заявил, что стал в результате производственной травмы инвалидом, и потребовал 830 000 ф. ст. компенсации. Впоследствии страховая компания

¹⁵ Civil Procedure Rules, Part 13 — Setting Aside or Varying Default Judgement. Available at: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part13#13.3> (дата обращения: 23.12.2019)

¹⁶ McGregor A., O'Regan G. Challenging Judgements Allegedly Obtained by Fraud. International Law Office. Newsletter. 2018.04.12. Available at: <https://www.internationallawoffice.com/Newsletters/Litigation/United-Kingdom/RPC/Challenging-judgments-allegedly-obtained-by-fraud> (accessed: 24.11.2019)

нашла видеозапись момента, предшествующего медицинскому освидетельствованию, на которой Саммерс самостоятельно наносил себе большую часть физических увечий и не выглядел пострадавшим¹⁷. В результате первоначальная страховая выплата 90 000 ф. ст. была снижена судом до 2000, а работодатель добровольно возместил Саммерсу еще 10 000¹⁸.

Проблема данного судебного решения состояла в том, что спор в итоге не привел к полному отказу в судебной защите мошенника, ведь была выплачена частичная компенсация; мошенническое завышение размера компенсации не рассматривалось как самостоятельное правонарушение ответчика; юрисдикция суда по пересмотру была описана в качестве «исключительной» в рамках обстоятельств дела, но не были объяснены критерии такой исключительности на будущее¹⁹. Решением проблемы стал процесс Takhar против Gracefield Developments Limited и др.²⁰, в котором 20.03.2019 коллегия судей Верховного суда пришла к выводу, что мошенничество, сопровождающее процесс, является «отдельным вопросом», исследование которого не приводит к нарушению процессуального права в виде невозможности достигнуть окончательного решения по делу в суде.

Вопрос поддельной подписи на документах истца, который возник после завершения апелляционного процесса, не был исследован апелляционным судом. Лорд Керр, один из судей по делу, уточнил, что «закон не ждет, что люди станут устанавливать свои взаимоотношения в правовой форме с обязательной предпосылкой, что контрагент может быть мошенником» [Sheeley A., 2019]. Судьям также стало очевидно, что английское право не содержит надежного пути решения ситуации²¹. То, что результаты экспертизы подписи в поддельных бумагах появились после завершения процесса, создает новую правовую реальность, в рамках которой должен осуществляться пересмотр решения по делу даже в случае исчерпания инстанций обжалования. От потерпевшего при этом не требуется оценки на предмет мошенничества документов оппонента в ходе процесса, так как такая обязанность не следует ни

¹⁷ Lowery A. 'Liar' who faked work injuries to make fraudulent claim for £830,000 awarded £88,000 compensation by court. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2165430/Shawn-Summers-allowed-88-000-fraudulent-830-000-claim-faked-work-injuries-thrown-out.html> (дата обращения 30.08.2020)

¹⁸ Fairclough Homes v Summers [2012 UK SC 26]. Available at: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2010-0212-judgment.pdf> (дата обращения: 25.12.2019)

¹⁹ Chandler S., Davidson A., Reese G. Attacking fraudulent claims: learning the lessons from Fairclough Homes v Summers. Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=5f9f52b1-cd0e-4d00-b74c-3fd1d0e47f8e> (дата обращения: 10.12.2019)

²⁰ Takhar v Gracefield Developments Limited and others [2019] UKSC 13. Available at: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2017-0072.html> (дата обращения: 25.12.2019)

²¹ Browne O., Cox A. Fraud Unravels All-Even Post-Judgment. Available at: <https://www.latham.london/2019/04/fraud-unravels-all-even-post-judgment/> (дата обращения: 23.12.2019)

из закона, ни из принципа добрых нравов. В противостоянии принципов окончательности судебного решения последней инстанции и «мошенничество разваливает все дело» победил второй. Из решения суда также видно, что стандарт доказывания мошенничества выше, чем иных обстоятельств в гражданском деле, поэтому результаты данного доказывания преобладают.

Из практики английских судов видно, что они сталкиваются с трудно-разрешимой проблемой слияния уголовно-правовых аспектов поведения сторон в деле с характеристиками гражданского процесса, в котором не предусмотрено подобного соприкосновения. Английский судья оказывается безоружным перед мошенническими действиями, которые превращают гражданский процесс в полную бессмыслицу.

Новая редакция Брюссельского регламента, действующая в том числе и в Великобритании с 10.01.2015²², в ст. 45 и прежняя редакция Регламента в ст. 34 и 35²³ не оперируют термином “fraud” в качестве основания для непризнания иностранного судебного решения. Данная проблема осталась неурегулированной на уровне права ЕС. Аналогичное молчание сохраняет профильная Луганская конвенция в ст. 34 и 35²⁴. Гагская конвенция о прогационных соглашениях (2005)²⁵ действует в большинстве стран ЕС, но ограничивается в ст. 9 в вопросе отказа в признании иностранного судебного решения случаем процессуального мошенничества, не раскрывая содержания данного термина. Право ЕС не является помощником в вопросах защиты от мошенничества в гражданском судопроизводстве.

Национальное право России в области признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений в наибольшей степени напоминает право ФРГ. В Германии процедура выдачи экзекватуры производится согласно § 722 и 723b ГПК на основании специального иска о допустимости принудительного исполнения иностранного судебного решения. В рамках данного иска устанавливаются основания для отказа в признании судебного решения. Ответчику не допускается повторять возражения, которые он имел возможность выдвинуть в ходе слушаний в иностранном суде (§ 723,

²² Regulation (EU) No 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2012/1215/oj>; <https://base.garant.ru/70475048> (дата обращения: 01.12.2019)

²³ Council Regulation (EC) No 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2001/44/oj> (дата обращения: 11.12.2019)

²⁴ Convention on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A22007A1221%2803%29> (дата обращения: 01.12.2019)

²⁵ Convention on Choice of Court Agreements, concluded 30.06.2005. Available at: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=98> (дата обращения: 11.11.2019)

абз. 1 ГПК), но ему предоставляется право выдвинуть новые возражения, появившиеся позднее, после вынесения решения по делу. Подобные возражения (*Einredeweise*) в рамках процедуры выдачи экзекватуры весьма характерны и выполняют функцию новых обстоятельств, которые могут быть учтены в том числе в случае, если первоначальное решение имело мошеннический характер, хотя напрямую об этом не сказано.

Право США и американская правовая доктрина, напротив, содержат множественные упоминания мошенничества в качестве основания для непризнания судебного решения. Именно в данной юрисдикции был собран большой практический опыт толкования этого понятия. Еще с 1920-х годов начали появляться судебные дела и исследования роли мошенничества в качестве отменяющего судебное решение фактора. Наиболее резонансным стало дело *Chicago, R I & P R Co против Callicotte*²⁶, в котором пострадавший требовал компенсацию у железнодорожной компании из-за того, что оказался парализован в результате травмы, хотя в дальнейшем выяснилось, что он притворялся. Верховный суд США в этом деле счел, что судебное решение будет опровержено фактом мошенничества потерпевшего, поэтому оно подлежит отмене²⁷. Данное мошенничество не квалифицировалось судом в качестве нового или вновь открывшегося обстоятельства по делу, а являлось самостоятельным основанием для пересмотра. Такая позиция многократно подтверждалась в решениях по схожим делам *McGehee против Curran*²⁸, *Morgan против Asher*²⁹, *Hollingshead против Hollingshead*³⁰.

Судьи США также заметили, что в данных делах вступают в противоречие фундаментальные принципы судопроизводства и для достижения справедливого решения необходимо сделать выбор в пользу одного из них. На одной чаше весов — мошенничество, которое все лишает юридической силы и запрещает извлекать из этого любую выгоду, позволяя суду восстановить свою юрисдикцию над делом, если мошенничество может быть доказано. На другой чаше весов — доктрина *res judicata* об окончательности и обязательности для сторон вступившего в силу решения суда, которое не может быть более оспорено в апелляционном порядке. Данная доктрина строго запре-

²⁶ *Chicago, R I & P R Co v. Callicotte*. C.C.A. 1920. 267 Fed. 799. Available at: <https://www.amazon.com/Callicotte-Chicago-Transcript-Supporting-Pleadings/dp/1270110012> (дата обращения: 11.11.2019)

²⁷ *Columbia Law Review*, March 1921, pp. 268–270. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1111396> (дата обращения: 11.11.2019). P.268.

²⁸ *McGehee v. Curran*, Cal.1920, 193 Pac. 277. Available at: <https://casetext.com/case/mcgehee-v-curran> (дата обращения: 24.11.2019)

²⁹ *Morgan v. Asher*, Cal. 1920, 193 Pac. 288. Available at: <https://casetext.com/case/morgan-v-asher>

³⁰ *Hollingshead v. Hollingshead*, Okla. 1920, 193 Pac. 412. Available at: <https://casetext.com/case/hollingshead-v-hollingshead-2> (дата обращения: 20.11.2019)

щает пересматривать дела с тем же субъектным составом и по тому же предмету спора, если имеется вступившее в силу судебное решение.

Этот принцип римского права соблюдается судами США, и любое отступление от него требует веских оснований и рассматривается как исключительное [Терехов В.В., 2014: 205]. В основе *res judicata* лежит максима *interest rei publicae ut sit finis litium* (“общественный интерес состоит в том, что судебное разбирательство должно окончиться”) [Fellmeth A., Horwitz M., 2009: 158], и она запрещает пересмотр вступившего в силу решения суда по любому основанию. Балансируя между двумя данными максимами, суды США не отказываются от доктрины *res judicata* и рассматриваются мошеннические случаи в качестве исключительных обстоятельств.

Суды права справедливости выработали специальный критерий разграничения мошенничеств, которые либо служат основанием для отмены решения, либо не являются таковыми. К первым они отнесли внешнее мошенничество, не относящееся к предмету спора, а также сопутствующее мошенничество, которое связано с делом, но все же лежит за его границами³¹. К мошенничеству, которое не может отменить ранее принятое решение, они отнесли так называемое неустранимое мошенничество, которое присуще делу изначально и очевидно для сторон либо должно было быть замечено³². Получается, что если процесс был тесно связан с мошенничеством одной из сторон, то такое дело не может быть пересмотрено, так как это бы нарушило принцип *res judicata* и создало бы неопределенность судопроизводства. Однако если сторона по делу была лишена права на справедливое разбирательство или права на эффективное средство судебной защиты именно ввиду мошенничества другой стороны, то тогда пересмотр возможен.

Затруднения Верховного суда США возникли с разграничением мошенничества при лжесвидетельствовании и предъявлении в процессе поддельных документов: он не смог определиться с отнесением этих случаев строго к внешним или внутренним (неустранимым) проявлениям мошенничества и утвердил возможность обоих вариантов³³. Данные решения так и не были опровергнуты в других делах³⁴ и продолжают служить ориентиром для но-

³¹ United States v. Throckmorton, 1878, 98 U.S. 61. Available at: <https://casetext.com/case/united-states-v-throckmorton-1>; Crawford v. Crawford, S.C. 1811, 4 Des Saus. Eq. 176. (дата обращения: 24.11.2019)

³² Marine Ins. Co. v. Hodgson, 1813, 7 Cranch 332. Available at: <https://casetext.com/case/marine-ins-co-v-hodgson> (дата обращения: 12.12.2019)

³³ Marshal v. Holmes, 1891, 141 U.S. 589, 12 Sup. Ct. 62. Available at: <https://casetext.com/case/marshall-v-holmes-2>; United States v. Throckmorton, 1878, 98 U.S. 61. Footnote 3. Available at: <https://casetext.com/case/united-states-v-throckmorton-1> (дата обращения: 23.11.2019)

³⁴ Harvard Law Review Association. Injunctions against the Enforcement of Judgments Obtained by Perjury // Harvard Law Review, 1909, vol. 22, p. 602.

вых поколений юристов. Некоторые требования характерны для большинства указанных дел: 1) истец, требующий пересмотра, должен твердо установить мошенничество другой стороны; 2) он должен продемонстрировать, что без такого мошенничества решение было бы принято в его пользу; 3) он должен обосновать отсутствие с его стороны промедления и иной небрежности для возобновления разбирательства в рамках доктрины “laches”. Используемая в США, других странах общего права и международном коммерческом арбитраже доктрина “laches” карает за неосновательное промедление в осуществлении процессуального права в рамках института права справедливости (equity law) отказом в судебной защите истца. Таким неосновательным промедлением является, например, ситуация, когда истец подал иск в последний день срока исковой давности или близко к дате его исчерпания, хотя знал о нарушенном праве задолго до этого, но не принимал мер для восстановления нарушенного права, увеличивая собственные убытки и ответственность противной стороны. Ответчик в таком случае рассматривается в качестве понесшей убытки стороны в результате промедления в осуществлении права истцом. Данные заградительные требования позволяют обезопасить суды от потока необоснованных заявлений и требований пересмотра.

Заключение

Норма об отказе в признании судебного решения на основании мошеннического (обманного) характера, с одной стороны, открывает «ящик Пандоры» в виде неокончателности любых судебных решений по гражданским делам, но одновременно служит важному общественному интересу установления истины, которая может оказаться заложницей процессуальных догматов и недопустимой эксплуатации недобросовестными участниками гражданского оборота. Гагская конференция по международному частному праву в данном вопросе не создала виртуального будущего, а уловила тренд правового регулирования, который изменит представление об институте признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений в ближайшем будущем. Сбалансированный и исторически выверенный подход судов США в толковании мошеннических (обманных) действий в качестве основания отказа в признании судебных решений может быть использован в современном российском праве при имплементации данного института в уголовное право.

Мошенничество, обнаруженное в одном государстве, и ставящее под сомнение судебное решение, вынесенное в другом государстве, создает особую правовую реальность. Данная правовая реальность формирует новое

основание непризнания и неприведения в исполнение иностранного судебного решения без оспаривания его фактической действительности на родине. Для подобного решения государственного суда требуются весомые доказательства, а заседание по такому делу не может происходить в упрощенном или ограниченном порядке.

Современные уголовно-правовые вызовы требуют от национальных судов, принимающих решения о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, проводить полноценное судебное следствие по ходатайствам сторон о наличии признаков мошенничества при принятии анализируемого зарубежного судебного акта. Подобное следствие требует от судов алгоритмов исследования и оценки доказательств, специальных процедур, которые бы не вмешивались в гражданско-правовую канву анализируемого решения, но позволяли бы идентифицировать мошенническую природу его принятия. В стране континентального права велик соблазн возложить большую часть ответственности за исследование данного вопроса на суд, но его возможности оказываются еще меньшими, чем в аналогичных делах в рамках национального права. Поэтому ключевую роль в доказывании мошеннической природы оспариваемого судебного решения должна нести сторона, заявляющая о мошенничестве. Отказ в имплементации норм о мошеннических судебных решениях в российское законодательство приведет к тому, что отказ в признании за рубежом решений российских судов по данному основанию будет возможен, а в России решений иностранных судов — нет.

Библиография

Брановицкий К.Л., Аленкина Н.Б. Правовой режим признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений в Евразийском экономическом союзе // Вестник гражданского процесса. 2018. N 6. С. 168–192.

Дикарев И.С. Реализация принципа презумпции невиновности при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений в уголовном процессе // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2012. N 1. С. 110–114.

Звонова Е.А. Особенности взаимодействия российского и европейского финансового рынка // Экономика. Налоги. Право. 2019. N 3. С. 134–143.

Игнатьева Ю.А. Признание и приведение в исполнение решений иностранных государственных судов на территории Российской Федерации: нормативные основания и правоприменительная практика // Проблемы современной науки и образования. 2017. N 14. С. 65–71.

Куликова Д.С. Основные концепции, лежащие в основе института признания и приведения в исполнение судебных решений зарубежных стран // Вестник РГГУ. Экономика. Управление. Право. 2014. N 9. С. 145–152.

Петров С.А. Обман суда как способ мошенничества // Уголовное право. 2013. N 6. С. 40–43.

Свиридов М.К. Обеспечение стабильности приговора // Вестник Томского государственного университета. 2012. N 3. С. 139–142.

Смолин С.В. Обман суда: способ мошенничества или преступление против правосудия // Уголовное право. N 1. 2015. С. 91–95.

Сычева О.Н. Презумпция истинности приговора в современном уголовном процессе: Дисс. ... к.ю.н. Н. Новгород, 2008. 182 с.

Терехов В.В. Понятие и содержание категории «res judicata» в российском и зарубежном гражданском процессе // Российский юридический журнал. 2014. N 5. С. 203–209.

Brand R. Federal Judicial Center International Litigation Guide: Recognition and Enforcement of Foreign Judgments. University of Pittsburgh Law Review, 2013, vol. 74, pp. 494–549.

Haines A. Why is it so difficult to construct an international legal framework for e-commerce? The Draft Hague Convention on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil and Commercial Matters. European Business Organization Law Review, 2002, issue 1, pp. 157–194.

Fellmeth A., Horwitz M. Guide to Latin in International Law. Oxford: Oxford University Press, 2009, 298 p.

Paul S. Courts on Courts: contracting for engagement and indifference in international judicial encounters. Virginia Law Review, 2014, no 1, pp. 17–109.

Sheeley A. Supreme Court judgment offers reassurance to fraud victims. Available at: <https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/supreme-court-judgment-reassurance-to-fraud-victims> (дата обращения: 23.12.2019)

Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki. 2020. No 3

The Refusal for Recognition and Enforcement in the Russian Federation of a Foreign Judgment Obtained by Fraud

Ksenia Barysheva

Associate professor, Department of Public Law, Faculty of Law. National Research University Higher School of Economics, Candidate of Juridical Sciences. Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russia. E-mail: kbarysheva@hse.ru

Dmitry Maksimov

Senior Lecturer, Department of General and Interdisciplinary Legal Studies, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russia. E-mail: aerolife@rambler.ru

Abstract

In July 2019 a landmark event took place in Private International Law, associated with the approval of the final text of Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgements in Civil or Commercial Matters. For more than 10 years The Hague Conference on Private International Law has not introduced new conventions. Russia actively participated in the final procedures and sent a governmental delegation to the

22nd diplomatic session of Conference mentioned to sign the final act of the session. The prospects for signing and ratifying the Convention by key participants of international trade and by countries where civil relations are localized are still the questions of the future. The article presents an analysis of the provisions of the Convention and the possibility of implementing international law into national legislation. In the Russian law there is no efficient system of fraud detection from the parties of civil or arbitral proceedings and countermeasures to it for the court. The term “fraud” used in the Convention has no comparable in the Russian legislation and case law if fraudulent acts of the party resulted in misjudgment came into force. Reviews of such judgment or retrial are practically impossible. This weakness of the Russian law is truly sensitive in cases of recognition of foreign judgments obtained by fraud. Legal regulation vacuum can be caused by Russian accession to the Convention which recognizes a possibility of defected judgments, but Russian court has no means of detecting these defected judgments, which throws doubts on the whole procedure and result of recognition and enforcement of foreign judgments in Russia. In the present article the authors raise key challenging issues of finality of judgments and possibilities of their revision in future, point at non-readiness of the Russian law for accession to the Convention, at significance of this institution of judgments obtained by fraud and at inadmissibility of exception of this institution in case of ratifying Convention.

Keywords

convention; court decision; international civil proceedings; fraud; false representation; evidence tampering; super specialization of judges; implementation; law of procedure.

For citation: Barysheva K.A., Maksimov D.M. (2020) The refusal for recognition and enforcement in the Russian Federation of a foreign judgement obtained by fraud. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 3, pp. 4–25 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2020.3.4.25

References

Brand R. (2013) Federal Judicial Center International Litigation Guide: Recognition and Enforcement of Foreign Judgments. *University of Pittsburgh Law Review*, vol. 74, pp. 494–549.

Branovitsky K.L., Alenkina N.B. (2018) Legal regime of recognition and enforcement of foreign court decisions in the Eurasian economic Union. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*, no 6, pp. 168–192 (in Russian)

Dikarev I. S. (2012) Implementation of the principle of presumption of innocence in the review of legal decisions entered into force in the criminal process. *Vestnik Volzhskogo universiteta. Jurisprudencia*, no 1, pp.110–114 (in Russian)

Fellmeth A., Horwitz M. (2009) *Guide to Latin in International Law*. Oxford: University Press, 298 p.

Haines A. (2002) Why is it so difficult to construct an international legal framework for e-commerce? The Draft Hague Convention on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil and Commercial Matters: A Case Study. *European Business Organization Law Review*, issue 1, pp.157–194.

Ignatieva Yu. A. (2017) Recognition and enforcement of decisions of foreign state courts in Russia: normative grounds and law enforcement. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovania*, no 14, pp. 65–71 (in Russian)

Kulikova D.S. (2014) Concepts of recognition and enforcement of judgments in foreign countries. *Vestnik rossiyskogo humanitarnogo universiteta*, no 9, pp. 145–152 (in Russian)

Paul S. (2014) Courts on Courts: contracting for engagement and indifference in international judicial encounters. *Virginia Law Review*, no 1, pp. 17–109.

Petrov S.A. (2013) Deception of the court as a method of fraud. *Ugolovnoe pravo*, no 6, pp. 40–43 (in Russian)

Sheeley A. (2019) Supreme Court judgment offers reassurance to fraud victims. *Out-Law News*. Available at: <https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/supreme-court-judgment-reassurance-to-fraud-victims> (accessed: 23.12.2019)

Smolin S.V. (2015) Deception of the court: a method of fraud or a crime against justice. *Ugolovnoe pravo*, no 1, pp. 91–95 (in Russian)

Sviridov M.K. (2012) Ensuring stability of the sentence. *Vestnik Tomskogo universiteta*, no 3, pp. 139–142 (in Russian)

Sycheva O.N. (2008) Presumption of the truth of the sentence in the modern criminal process. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Nizhny Novgorod, 2008. 182 p. (in Russian)

Terekhov V.V. (2014) Concept and content of the category “res judicata” in the Russian and foreign civil process. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, no 5, pp. 203–209 (in Russian)

Zvonova E.A. (2019) Features of interaction of the Russian and European financial market. *Economica, nalogi, pravo*, no 3, pp. 134–143 (in Russian)